

ПЕТР ВАЙЛЬ
Европейская часть

ПЕТР ВАЙЛЬ «Европейская часть»

ГЛАВА «АБРАУ-ДЮРСО»

Долго казалось, что нет такого места — **Абрау-Дюрсо**, как нет других столь же волшебных — Вальпараисо, Аделаида, Антофагаста. Может, и не надо именам овеществляться, но не за нами выбор дорог, о которых мы думаем, что выбираем. **Абрау** — это и озеро, и река, и красавица из удручающе цветистой легенды. Озеро вправду прекрасно — длинное, зеленое, в кизилowych деревьях и бордовых кустах осенней скумпии по высоким берегам. **«Абрау»** и означает «обрыв» — как Гончаров по-белорусски. Есть и **Дюрсо** — тоже красавец, но бедный, и тоже речка, и тоже озеро. Вместе они — столица российского шампанского, основанная под Новороссийском князем Голицыным при Александре Втором, когда в России основывалось столь многое из того, что потом рухнуло. Вокруг — холмы, одни в щетине виноградников, другие острижены под ноль, словно пятнадцатисуточники, в припадке борьбы с алкоголизмом.

Шампанская штаб-квартира — в полураспаде, как ее окрестности во все стороны: к западу особо некуда, там море, а на восток — до Камчатки. Из-под земли, из пробитых в скале спиральных туннелей, где виноделы похожи на горняков, выдается на-гора напиток по технологии, не менявшейся с XIX века. На горе серые балюстрады и клумбы с виноградным рельефом

напоминают не столько о голицынских, сколько о микояновских временах. У подножья широкой лестницы, сплошь засыпанной желтой листвой, — пикник. Южная закуска — сыр, абрикосы, хурма — разложена на сорванной где-то по дороге вывеске «Горячие чебуреки». Пьют водку, миролюбиво поглядывая на чужака с фотоаппаратом. «Да снимай, снимай, мы красивые, только сюда не подходи, а то боюсь», — мужчина в джинсовой куртке и темных очках кивает на лежащую рядом барсетку. Она раскрыта, виден мобильный телефон и пачка долларов толщиной в палец. Приятель из здешних шепчет в ухо: «Местные, абрауская группировка».

После знакомства хозяин барсетки Виталий проявляет гостеприимство: «Мы шипучку не очень, но ты должен все попробовать. Колянч, сбегал быстро принес, только все чтоб». Тот бросается к фирменному магазину, поскользывается и с размаху падает на четвереньки в лужу. Под общий хохот поднимает грязные ладони и кричит: «Мацеста!». Все еще пуце смеются знакомой шутке.

Поочередно пробуются полусладкое, полусухое, новый меланхолический сорт **«Ах, Абрау...»**. Виталий командует, чтобы после каждого вида прополаскивали горло минералкой. «Щас брют распробуем», — говорит он. Откупоривает бутылку «Лазаревской», булькает, запрокинув голову, сплевывает с презрением: «Это не вода. Я прошлый год в Сочи чвижепсинский нарзан пил из Красной Поляны — вот вода! В «Металлурге» отдыхал». Кто-то почтительно уточняет: «Это где иммуно-аллерги?» — «Да не, то «Орджоникидзе», в «Металлурге» — опорно-двигательные». Понятно, по специальности.

«Рулёт московский черкизовский!» — объявляет Коля, поясняя: «Моя завернула, ну с Геленджика, которая на «Красной Талке» бухгалтером».

Виталий реагирует: «Поедем на Талку, кинем палку», — снова общий добродушный смех. По последней шампанского и — с облегчением возврат к «Смирнову», под рулет. Коля раскладывает ломти веером на красных буквах «б» и «у». Пикник благостно движется к сумеркам, беспокоят лишь летучие клещи, с ноготь, серые с зеленоватым отливом — красивые, как все здесь.

Овеществление имени происходит без спросу. «Абрау-Дюрсо» — одно из ярких пятен в памяти. На теплоходе с этим неясно волнующим названием приплыл в Новороссийск зайцем из Поти, стремительно выпил три литра черной «Изабеллы» из цистерны у морского вокзала, переночевал за два рубля на чердаке и отбыл наутро в Ялту с канистрой вина на том же «Абрау-Дюрсо», уже с правом на палубное место. Канистру прикончил по случаю своего двадцатипятилетия со случайными одесситами, и в этот юбилей, выпрыгивая по низкой дуге, вровень с кораблем шли сотни дельфинов.

Когда воспоминания сгущаются в абзац, получается Александр Грин с Зурбаганом и алыми парусами, хотя вино оставляет тупое похмелье и несмываемые пятна, на чердаке душно и колется тюфяк, волосы и ботинки в новороссийской цементной седине, команда не уважает и гоняет от борта к борту. Все равно, конечно, — Грин, уж какой есть. Какой был.